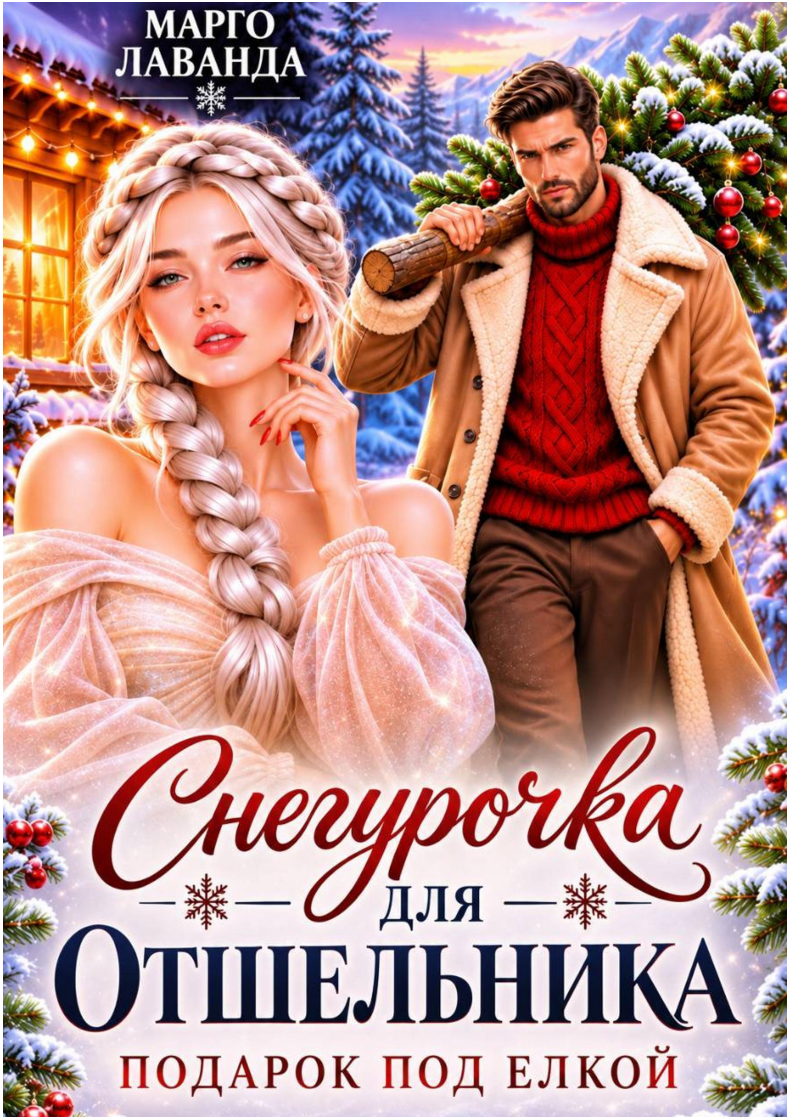

МАРГО
ЛАВАНДА
Снегурочка
для
Отшельника
ПОДАРОК ПОД ЕЛКОЙ

Марго Лаванда

Снегурочка для Отшельника. Подарок под елкой

https://litres.ru/74836368
SelfPub; 2026

Аннотация

— Надеюсь, мое гостеприимство не заставит тебя применять тяжелую артиллерию, — я с усмешкой смотрю на хрупкую незнакомку, которая направила на меня каминную кочергу.

— Положите вещи. И отойдите.

Несколько часов назад я нашел ее в сугробе под большой елью — ледяную, в одном тонком белом платье, похожую на фарфоровую куклу. Но Снегурочка оказалась воинственной и упрямой. Я снял дом в глухом лесу, чтобы спрятаться от людей, праздников и бывшей. Но кто бы мог подумать, что этот план обернется самыми разными событиями, а я в итоге найду настоящую любовь.

Марго Лаванда
Снегурочка для Отшельника. Подарок под елкой

Глава 1

Глеб

Крупные снежинки лениво кружат в морозном воздухе, укрывая мир белым одеялом. Благодать! Снег под ногами скрипит. В планах — немного оглядеться и разведать обстановку. Но пока меня все однозначно радует. Ровно то что я хотел. Никого вокруг.

Делаю несколько шагов вперед и замираю, разглядывая величественную ель возле забора за участком. Под её лапами темнеет что-то массивное, светлое... совершенно чужеродное. Что за новогодние галлюцинации? Иначе не скажешь потому что под раскидистой елью… нет, не может быть!

Я зажмуриваюсь и с силой протираю глаза. Честное слово, чушь какая-то!

Это... девушка?!

На снегу, раскинув пышный подол из невесомой, полупрозрачной многослойной ткани, лежит девушка. Я ошарашенно застываю над этим живым «подарочком».

Нет, ну не могут же у меня начаться галлюцинации после одной-единственной вечеринки? Пусть даже караул какой бурной. Мы с партнером по бизнесу Артемом знатно отметили завершение сделки, уговорили бутылку дорогущего элитного коньяка — презент от моего старого приятеля Давида Байратова. Поглощался напиток душевно, но расплата оказалась жестокой: похмельный туман всё ещё не выветрился из головы.

Конечно, это не человек. Манекен. Изысканный, дорогой женский манекен. Белокурые локоны живописно рассыпались по сугробу, точеные черты лица кажутся идеальными, длинные черные ресницы бросают тени на фарфоровые щеки.

И какой шутник решил, что здесь свалка? Кто из соседей настолько наглеет, что выкидывает хлам прямо мне под ёлку возле забора? Богатые здесь буратины живут, штука-то явно недешевая. Или это розыгрыш? Давид? Артём? На них не похоже так заморачиваться и, главное, в чем прикол?

Пока я судорожно прокручиваю в тяжелой голове варианты, «манекен» отчетливо, тихо стонет!

От неожиданности я резко дергаюсь, поскальзываюсь на льду и с матом приземляюсь рядом. Моя щека случайно касается её ледяной ладони. И я понимаю что она… Настоящая, черт возьми! Живая!

Или мертвая, но точно из плоти и крови! Или у меня всё-таки начинается белая горячка?!

— Эй! Ты кто? Откуда здесь взялась?! Ты жива?! — Я хватаю её за руку. Ледяная. — Простудишься же насмерть! Ты чего тут валяться вздумала, Снегурочка?!

Я бесцеремонно трясу девушку за плечи. Длинные ресницы вдруг начинают трепетать. На долю секунды она приоткрыла глаза:

— Помогите... — едва слышный слабый выдох.

Нащупываю на шее слабый пульс. Но очень холодная…

Сгребаю девушку в охапку, матерясь сквозь зубы, и несусь к дому. Дверь ногой распахиваю. Устраиваю свою находку на диване в гостиной, на ходу скидывая куртку и шапку. Надо раздеть. Платье превратилось в ледяной панцирь, девчонку колотит от гипотермии, её срочно надо согреть.

К черту пуговицы и застежки — ткань с треском лопается под моими пальцами, я фактически разрываю слои дорогого фатина, действуя на чистом автопилоте. Следом на пол летят промокшие колготки и белье. Незнакомка хрупкая, очень худенькая, с идеальной фигурой.

Бар забит под завязку разными напитками. Схватив первое, что попалось под руку, кажется коллекционное, начинаю осторожно растирать запястья незнакомки. Она продолжает находиться без сознания, и это очень меня беспокоит. Потом аккуратный массаж. Ноги, начиная от самых пальцев, и иду выше. С меня самого уже сошло семь потов, дыхание сбилось. Оказывается, это адский физический труд. Укутываю красотку в толстое одеяло. Вроде щеки порозовели. Что

же с ней случилось? Такая идеальная, аж светится вся. Пушистые ресницы подрагивают, она точно дышит — это внушает мне оптимизм.

Я бросаюсь к камину, разжигаю огонь, подбрасывая побольше дров. Огонь весело гудит. Что еще можно сделать? Согреть своим телом?

Я и так на взводе от этого приключения, а физиологию, как ни крути, никуда не спрячешь. Мой организм реагирует на эту Снегурочку более чем бурно. Самое время остыть.

— Так, лежи тут. Я быстро, — бросаю незнакомке, которая вряд ли меня слышит, и отправляюсь в сторожку.

Надо вызвать врача. Как минимум. Но мне чертовски не везет — в небольшом домике никого. И куда только подевались! Я заглядываю в окна, но плотные шторы задернуты наглухо.

Дорогие друзья, добро пожаловать в новогоднее приключение!

Не забываем добавлять книгу в библиотеку!

Глава 2
Агния

Распахиваю глаза и в первую секунду абсолютно не соображаю, где нахожусь. Я жива? А затем меня прошибает ледяной, парализующий ужас: под тяжелым, теплым одеялом я лежу совершенно голая! Зубы тут же начинают отбивать

бешеную дробь.

Маньяк. Он всё-таки догнал меня! Что этот ублюдок со мной сделал?!

Коротко вскрикнув, я судорожно пытаюсь выпутаться из огромного одеяла, похожего на пушистое облако. Сквозь слезы бормочу под нос проклятия и ругательства — я так просто не сдамся! Скатываюсь с дивана, на ходу яростно закручиваясь в одеяло. Смехотворная броня. Я похожа на неповоротливую личинку. В таком виде далеко не убежишь.

Острая, подступающая к горлу тошнота парадоксальным образом придает сил. Кое-как встаю на ноги, но мир перед глазами резко кренится, и от дикого головокружения бессильно падаю обратно на подушки.

И всё равно я не сдамся! Надо бежать, снова бежать! Эта мысль бьется раненой птицей в моем воспаленном мозгу. Но куда? И главное — как?! На этот раз абсолютно голой? Я слаба как новорожденный котенок, каждое движение отзывается тупой болью во всем теле.

Дико озираясь, пытаюсь изучить логово врага. Обстановка кажется другой. На полу бесформенной кучей валяются разодранные в клочья лоскуты платья и колготок. Смотрю на это месиво из фатина с отвращением и ступором. Продолжаю жадно разглядывать комнату. При дневном свете всё выглядит иначе. Огромные панорамные окна, просторная гостиная, залитая солнцем. В углу уютно потрескивает камин. Нет, я не могу понять: тот же это дом или другой. В том зло-

получном особняке, куда меня заманили обманом, я почти ничего не успела рассмотреть — был поздний вечер. А сейчас за окном день. Освещение совсем другое.

Боже, Елисеев — законченный безумец! Если он запер меня здесь, мне конец! Он превратит меня в куклу для своей коллекции, как и обещал. Мне не вырваться во второй раз. Первый побег был чистым, невероятным чудом...

Судорожно ищу глазами хоть какое-то оружие. Меня до сих пор колотит от пережитого холода, поэтому я на неслушающихся ногах ковыляю ближе к источнику тепла — к камину. Стоп. Рядом на подставке красуется тяжелая железная кочерга. Отлично. Уже хоть что-то.

Сжимаю пальцы на холодном металле, и в этот момент в прихожей хлопает входная дверь.

Вся сжимаюсь, до боли стискивая зубы. На глаза наворачиваются слезы от животного страха.

— Отлично! — раздается уверенный мужской голос.

На пороге появляется мужчина, и я окончательно теряюсь. Он мне абсолютно не знаком. Моложе Елисеева, выше, симпатичный... хотя до его внешности мне сейчас нет никакого дела.

— Ты пришла в себя, — констатирует он, изучая меня взглядом. — Но, смотрю, настроение у тебя не самое добродушное. И что ты планируешь делать с этим? — Он выразительно кивает на мое «оружие».

— Кто ты такой? — тяжело, с трудом сглатывая сухую

слюну, хриплю я.

По крайней мере, на того ублюдка он не похож. Но расслабляться нельзя.

— Ты... ты на него работаешь?!

— Я ни на кого не работаю, — спокойно, даже как-то лениво отзывается незнакомец. — Начальников у меня отродясь не водилось, так что тут выдохни. Может, объяснишь, как ты оказалась под моей елкой? Ты же едва коньки не отбросила от холода. О чем вообще думала? Пьяная была, что ли?

— Вам знаком Игорь Елисеев? — спрашиваю я, и мой голос предательски дрожит.

— Впервые слышу.

— Вы же соседи!

— Я этот дом снял не так давно. Хотел побыть в тишине и одиночестве, но, видимо, не судьба.

— И вы... вы точно никак не связаны с Елисеевым?

Внутри меня зреет безумное желание ему поверить. Этот мужчина держится подчеркнуто равнодушно, в его позе нет ни капли агрессии или маньячной одержимости. Вот только один раз я уже проявила глупую доверчивость. Больше этой ошибки я не повторю.

— А можно мне позвонить? — спрашиваю осторожно. — Мама точно с ума сходит от беспокойства!

— Конечно. — Мужчина протягивает мне свой телефон.

— Если сеть поймает.

К моему невероятному счастью, в уголке экрана появляется одна жалкая полоска. Дрожащими пальцами набираю мамин номер.

— Мамочка! Это я!

— Агния! Господи, куда ты пропала?! Я тебе всю ночь звонила!

— Мам, со мной всё хорошо! Правда! Я за городом, дороги после снегопада замело, связь почти не ловит. Я пока останусь здесь, в безопасности. Тут хорошие соседи. Как только смогу, вернусь домой!

— Ты точно в порядке, доченька?

— Точно, мамуль! Не волнуйся, пожалуйста!

Связь обрывается. Я снова пытаюсь набрать номер, но на экране уже красуется безжалостное «Нет сети».

— Вот чёрт! — выдыхаю, возвращая телефон. — Но хотя бы успела предупредить…

— Можешь взять телефон и пробовать в любой момент, — спокойно говорит хозяин дома.

— Огромное спасибо!

Глава 3
Агния

Сердце бьется часто-часто, отдавая глухими ударами в уши, мысли окончательно туманятся. Из-за этого липкого ступора я никак не могу сформулировать банальный вопрос.

Тем временем мужчина делает несколько уверенных шагов в мою сторону. Крупный, высокий, одет явно дорого: на нем мягкий белый свитер крупной вязки и плотные джинсы. Наклонив голову чуть набок, он разглядывает меня с каким-то исследовательским интересом. От проницательного, сканирующего взгляда его ярко-голубых глаз мне становится не по себе. Я инстинктивно сжимаюсь.

— Сейчас раздобуду тебе какую-нибудь одежду, — прерывает тишину его низкий голос. — Слушай, серьезно, если ты попала в переплет, лучше расскажи как есть. Если ты потерялась, или тебя ограбили, можем позвонить в полицию.

Слова про полицию немного опускают градус моей паранойи. Действуют как холодный компресс на воспаленный мозг. Маньяки ведь не зовут копов, верно?

— У тебя что-нибудь болит? — внимательнее вглядывается он в мое лицо.

— Нет! — выдыхаю я слишком поспешно. Колено сильно ноет, да что там, все мышцы сводит, тело кажется одной сплошной раной. — Может у вас найдется какая-нибудь одежда? Я буду очень благодарна. У вас есть какие-нибудь женские вещи?

— Нет, незнакомка, — недовольно бурчит он, и на его лбу прорезается хмурая складка. — Я приехал сюда побыть в абсолютном одиночестве и точно не планировал брать с собой дамский гардероб.

Он разворачивается и уходит, а я наконец устало плюха-

юсь обратно на диван. Ноги мгновенно превращаются в ватное желе. В голове — ни одной здравой, связной мысли.

С другой стороны, к лучшему, что у него нет женских вещей. У Елисеева вон целая костюмерная оказалась... Настоящая выставка трофеев.

И тут меня прорывает. Горло сдавливает спазм, и я начинаю плакать. Видимо, плотину сорвало: весь этот жуткий, концентрированный стресс, который я из последних сил держала в себе, выходит наружу. Я реву навзрыд, до икоты и дрожи, сжавшись в комок под огромным покрывалом.

Когда мой спаситель возвращается, я все еще судорожно всхлипываю. Я отчаянно пытаюсь не доверять ему, держу внутреннюю оборону, но защищаться от того, кто протягивает тебе помощь, невыносимо сложно.

Мужчина бесшумно кладет на край дивана стопку одежды. На секунду садится рядом, осторожно касается моей ладони своей. А затем снова уходит, оставляя меня наедине с собой. А я... я даже пошевелиться не могу. Мысленно кричу на себя: «Вставай! Оденься! Посмотри, что он принес!» — но тело будто парализовало. Я просто сижу и тупо смотрю в одну точку.

— Я сделал липовый чай, — снова раздается его голос, и в гостиную вплывает пряный, сладковатый аромат. — Нашел в кухонных шкафчиках. Наверное, поможет согреться.

— Сп-пасибо, — выдавливаю я сквозь остатки слез. — Простите меня за эту истерику... Просто мне было очень,

очень страшно. Я... я попала в лапы к настоящему маньяку!

— Так, всё, я вызываю полицию, — хмуро и решительно заявляет этот великан, доставая из кармана телефон. Но тут же бросает на меня быстрый взгляд: — Ты почему еще не одета?

— Сейчас... секунду.

— Я выйду в коридор. Не бойся, подглядывать не стану — чего я там не видел, — бросает он напоследок и тактично исчезает за дверью.

— Спасибо, — тихо шепчу я уже в пустоту.

Глава 4

Агния

Подхватываю свое белье — оно лежит на краешке кресла возле камина. Уже высохло. Внезапно ловлю себя на мысли, что было бы чертовски странно, если бы хозяин дома вручил мне свои боксеры. От этой нелепой картины я даже нервно хихикаю, вытирая дорожки от слез на щеках. Дрожащими руками принимаюсь разбирать вещи. Огромные спортивные штаны серого цвета, теплые, с начесом. Безразмерная футболка — ее я натягиваю первой, и она предсказуемо сидит на мне как ночная рубашка до колен. Следом идет большой, уютный красный свитер, пахнущий дорогим парфюмом.

Какое счастье, что штаны на кулиске — их удается туго затянуть на талии. Финальный штрих — огромные белые махровые носки.

И меня мгновенно затапливает долгожданное, согреваю-

щее тепло. Становится по-настоящему уютно.

Когда хозяин дома возвращается, он находит меня на том же диване, но уже в полной экипировке.

— Ну вот, другое дело, — довольно кивает он, пряча руки в карманы джинсов. — Ты, наверное, голодная? В холодильнике полно еды. Это хорошая новость.

— А есть и плохая? — мое сердце снова делает тревожный кувырок.

— Увы. Я не могу дозвониться до полиции. Сеть окончательно пропала. Тебе ещё повезло, что удалось маме позвонить. На улицу глянь — начинается сильный снегопад, вчера как раз передавали штормовое предупреждение. И в довершение ко всему куда-то пропала парочка, что за этим домом ухаживают. Двое стариков, их домик пуст. Итог: ни связи, ни транспорта, дороги заносит. А мой внедорожник ещё вчера заглох и больше не заводится. Похоже, стартер полетел. Без мастера не обойтись, а вызвать его сейчас невозможно. Так что даже при большом желании я не смогу тебя отсюда вывезти. Прости, незнакомка, но, похоже, ты застряла здесь со мной.

— Этого не может быть! — внутри меня с новой силой детонирует паника. — Мне нужно домой! Срочно!

— Поверь, я зол не меньше твоего, — жестко отрезает он. — Я приехал сюда, чтобы побыть одному. Наедине со своими мыслями.

— Это просто невероятно... Какой-то кошмар!

— Вот мобильный. На, сама посмотри, если не веришь.

Он протягивает мне смартфон. В верхнем углу экрана сиротливо горит надпись: «Нет сети».

Я в ужасе хватаюсь за голову. Идти отсюда пешком? Но куда?! Я совершенно не ориентируюсь в этой глуши. Навигаторов нет, связи нет, интернета тоже. Заблудиться в чужом поселке и заживо сгинуть под снежными завалами — так себе перспектива.

— Выбирай любую свободную комнату на втором этаже, располагайся. Холодильник в твоем полном распоряжении, — сухо бурчит мужчина.

— Пойду еще раз сторожку проверю. Меня, кстати, зовут Глеб. Огинский, — произносит он, застегивая куртку. — Если хочешь, могу паспорт показать, чтобы тебе спокойнее было.

— Спасибо. Было бы неплохо, — киваю я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Меня зовут Агния Кострова.

— Ну вот и познакомились. Так проще общаться. Красивое у тебя имя. Держи. — Он протягивает мне раскрытый паспорт.

Я быстро пробегаю глазами по строчкам. Действительно, имя и фамилия настоящие, штампы на месте.

— Спасибо вам.

— Короче, я ушел, а ты чай пей. Попробую еще раз обойти территорию. Не стесняйся, ладно? Мне продуктов не жалко, кушай. Потом вместе можем что-то приготовить…

— Еще раз скажи куда ты уходишь? — смотрю умоляюще. Меня ужасно пугает перспектива остаться одной! Вдруг этот маньяк бродит вокруг дома?

— Схожу к соседям. В доме на повороте, кажется, живёт медицинский работник. Если нет — хотя бы узнаю, можно ли пробиться на машине к трассе. Я ненадолго. Минут на двадцать, не больше. Дверь запрёшь изнутри на оба оборота. Если кто-то постучит — не открывай.

— Даже если это ты?

— Особенно если это я и у меня внезапно изменится голос. Договорились?

Пытаюсь выдавить улыбку, но губы лишь жалобно дёргаются.

— Может, я с тобой?

— Пойдём вместе, когда у тебя будут тёплая одежда и нормальная обувь. Сейчас ты едва держишься на ногах, а на улице метель.

— Не надо говорить со мной, как с ребёнком.

— Тогда не заставляй меня повторять очевидное.

Он выходит прежде, чем успеваю подумать или сказать ещё что-нибудь глупое.

Глава 5

Агния

Смотрю, как за ним закрывается тяжёлая входная дверь. Как только щёлкает замок, я первым делом бросаюсь к ней и дёргаю за ручку. Не заперта. Выйти наружу можно в любой

момент. Этот простой факт мгновенно смывает часть моего параноидального страха.

Пока хозяина нет, я делаю несколько глотков тёплого чая и решаю осмотреть дом. Мне в любом случае нужно выбрать безопасное место для ночлега. Обхожу сначала просторный первый этаж, затем осторожно поднимаюсь по деревянной лестнице на второй. Меня искренне радует, что ни на одной из дверей нет внешних замков или задвижек. Обычный жилой дом, а не тюрьма.

Лишь одна спальня наверху выглядит обитаемой: широкая двуспальная кровать, лаконичные серо-голубые стены, тёмно-коричневый плед, небрежно брошенный на покрывало. В углу стоит мужская обувь, на спинке стула висит слегка помятая рубашка. Это точно территория Огинского.

Значит, я устроюсь на первом этаже. Подальше от него. Так спокойнее.

Мой выбор падает на небольшую уютную комнатку прямо рядом с кухней. Ванная — за соседней дверью. Плохо только, что спальня изнутри не запирается. Замок есть исключительно в ванной. Раньше я никогда так сильно не заморачивалась по поводу дверной фурнитуры, а сейчас это кажется вопросом жизни и смерти.

Включаю свет в ванной и замираю перед большим зеркалом. Вокруг зеркального полотна горит целая гирлянда лампочек, безжалостно подсвечивая каждый изъян. На меня смотрит бледное, измученное привидение с дико пылающи-

ми щёками. Под глазами залегли тёмные тени. Такой жуткой я себя ещё никогда не видела.

Кажется, у меня начинает подниматься температура, виски неприятно ломит. Я возвращаюсь в гостиную, усаживаюсь в кресло у камина и плотнее кутаюсь в плед.

«Я выберусь из этого ада. Вернусь домой в ближайшее время. Обязательно. Надо просто продержаться», — твержу себе как мантру. Главное — дождаться сети и сразу набрать «112».

Входная дверь наконец открывается, впуская клуб морозного воздуха. Вместе с Глебом в гостиную входит невысокая, крепкая женщина в валенках, стёганой красной куртке и с потёртой врачебной сумкой в руках.

— Я фельдшер, — бодро представляется она прямо с порога, расстёгивая молнию. — Нина Петровна. Где тут больная?

— Вот она, Агния, знакомьтесь, — Глеб отряхивает снег с плеч.

— Значит, девушка под ёлкой? И чего только столичные перед Новым годом не придумают.

Нина Петровна внимательно осматривает меня, измеряет давление, слушает фонендоскопом, расспрашивает о головокружении, боли в ногах, дыхании и потере сознания. Затем поворачивается к Глебу и даёт несколько спокойных, деловых указаний:

— Если станет хуже или поднимется жар — немедленно

за мной бегите, укол сделаю, — говорит она, убирая тонометр в сумку. — Сейчас состояние обнадёживает, обморожения нет, но после такого приключения как минимум постельный режим на пару дней. Лучше без прогулок и никаких бань, ясно?

— Яснее некуда, — отвечает Глеб.

Глеб выходит проводить Нину Петровну.

Воспользовавшись тем, что я снова осталась в доме одна, я решаю наконец принять душ — согреться как следует и смыть с себя липкий, въевшийся в кожу страх этой ночи. Захожу в ванную, перед этим раз двадцать проверяю хлипкую щеколду на двери. Увы, если Глебу Огинскому взбредёт в голову ворваться сюда, этот замочек его не остановит. Но желание смыть с себя кошмар сильнее. Я зажмуриваюсь и встаю под горячие струи воды.

После душа снова натягиваю огромные вещи Глеба. Когда я выхожу из ванной и возвращаюсь в гостиную, хозяин дома уже успел переодеться. Но даже в простых серых спортивных штанах и белой футболке он выглядит неприлично привлекательно. Такой расслабленный, домашний… Я невольно задерживаю взгляд на его крупных ладонях с чётко проступающими венами и длинными пальцами. И тут же ловлю себя на мысли, что рядом с ним, облачённая в его безразмерные шмотки, я смотрюсь как пугало огородное.

И меня, чёрт возьми, это задевает! Какое безумие. Мне нужно думать о спасении жизни, а я переживаю из-за своей

привлекательности!

— Ты не нашла фен? — неожиданно спрашивает Глеб. Он делает шаг вперёд, сокращая дистанцию, протягивает руку и осторожно зажимает прядь моих мокрых волос между пальцами. — Так и простудиться недолго. У меня в комнате точно есть.

— Я не собираюсь идти к вам в комнату! Даже не думайте! — резко отстраняюсь я.

— Агния, я ничего подобного и не предлагал, — в его глазах проскакивает искра раздражения. — В смысле, я останусь здесь, внизу. Поднимись на второй этаж сама и возьми его. Он лежит в верхнем ящике прикроватной тумбочки. А я пока пойду есть суп. Вкусный, кстати.

Он говорит резко, явно задетый моей глупой вспышкой.

— У меня нет расчёски, — тихо признаюсь я.

— Она там же, где фен, — угрюмо бросает он и разворачивается.

Мои мокрые волосы представляют собой сплошное путаное месиво. Они у меня всегда были дикими и непослушными. Нужно срочно привести их в порядок.

Я поднимаюсь наверх и быстро сушу волосы. Жёсткая мужская расчёска Глеба дерёт кожу головы, заставляя шипеть от боли, но это меньшая из моих проблем. Кое-как справившись с причёской, я спускаюсь на кухню.

Стол действительно накрыт. Хозяин дома уже заканчивает свою трапезу, лениво помешивая ложкой в тарелке.

— Садись давай, — кивает он на свободный стул. — Хватит играть в жертву.

— Почему вы думаете, что я играю? — замираю я у стола. — Вы не верите, что я сбежала от маньяка?

— Ты ничего толком не рассказала, но ждёшь от меня слепой веры?

Пожав плечами, я сажусь на стул и принимаюсь лихорадочно накладывать еду в тарелку. Желудок сводит от голода.

— Приятного аппетита, Агния.

— И вам, Глеб.

— Может, перейдём на «ты»? — предлагает он, внимательно наблюдая за тем, как я уничтожаю ужин. — Мы застряли в одном доме посреди бурана, так что это ваше «выканье» звучит глупо.

— Мне — нормально.

— Не стоит так нервно реагировать на каждое моё слово. Я не кусаюсь.

— Вы вроде сами говорили, что не горите желанием общаться? — припоминаю я.

— А у тебя острый язычок. Мне нравится, — Глеб едва заметно усмехается.

Я ничего не отвечаю. Горячий суп оказывается настолько божественным, что на секунду я даже прикрываю глаза от наслаждения. Настоящая благодать.

Глава 6

Агния

— Так расскажешь, что с тобой случилось? — нарушает затянувшееся молчание Глеб. Он откидывается на спинку стула, не сводя с меня внимательного взгляда.

— С чего ты взял, что со мной что-то случилось? — я пытаюсь защититься встречным вопросом, но голос звучит слишком слабо.

— Это очевидно, Агния.

Я тяжело вздыхаю. Вспоминать весь этот ад невыносимо, в груди снова начинает разрастаться липкий ком. Но я заставляю себя говорить. Картинки вчерашнего дня неоновыми вспышками начинают мелькать перед глазами...

— Поздравляю, дорогая, твою картину сегодня купили! — сияя, сообщает мне вчера днем Валерия Самойлова. Она — главный менеджер галереи, в которой я выставляю свои работы.

Моей радости в тот момент нет предела. Какое невероятное везение! Мне сейчас до зареза нужны деньги. Это, конечно, уже третья моя проданная работа, но за первые две заплатили сущие пустяки. А эта галерея — уровень совсем другой, и суммы здесь серьезные.

— Спасибо огромное, Валерия! Я так счастлива! — я едва не прыгаю от восторга.

Мне искренне кажется, что с этой продажи начнется моя белая, счастливая полоса. Я пока не могу обеспечивать себя только творчеством, приходится пахать на постоянной рабо-

те в небольшом супермаркете. Но, конечно, за прилавком я мечтаю лишь о том, как буду рисовать. А еще учеба в художественном — на нее уходит уйма времени и сил. Мне повезло — я поступила сама, без денег и блата. Преподаватели в один голос твердят, что у меня редкий талант.

— Ты большая молодец, Агния, я очень тобой горжусь, — тепло улыбается Валерия.

— Спасибо! Такой чудесный подарок к Новому году! Теперь я наконец смогу купить хорошие подарки всем своим племянникам.

— Да, конечно сможешь. И про себя не забудь, — Валерия вдруг заминается. — Только есть один нюанс, Агния. Тебе придется самой отвезти картину заказчику. Прямо сейчас.

— Что? Но почему? Наша служба доставки...

— Он платит в три раза больше верхнего ценника, если художник лично привезет произведение искусства. Что поделать, у богатых свои причуды. Живет этот Игорь Владимирович Елисеев за городом, в элитном поселке, но сумма компенсации такая, что ты вполне можешь позволить себе такси туда и обратно.

— Хорошо... А можно я возьму с собой подругу? Лизу. И мы поедем завтра утром?

— Нет, Агния, выезжать нужно немедленно. Клиент крайне капризный, к утру может передумать. Если такая жирная сделка сорвется, будет обидно, не находишь?

— Конечно, сорвать сделку я не хочу...

Мне жутко не нравится идея ехать на ночь глядя черт знает куда. Впрочем, на часах всего шесть вечера. Я прикидываю по навигатору: дорога займет около трех часов. Значит, в девять буду на месте. Не так уж и поздно. Быстро отдам холст, заберу деньги и вернусь. Господи, какой же наивной дурой я была, когда садилась в ту машину...

Валерия Викторовна тогда авторитетно заверила меня, что это стандартная практика для ВИП-клиентов.

До места я добираюсь без приключений. Прошу таксиста подождать меня у ворот, уверенно шагаю к огромному особняку и жму на кнопку звонка. Дверь открывается почти сразу.

— Да? — на пороге появляется импозантный мужчина средних лет.

— Игорь Владимирович? Здравствуйте. Я привезла вашу картину.

— Очень, просто безумно вам благодарен! Счастлив познакомиться лично.

— Меня зовут Агния.

— Какое редкое, красивое имя. Проходите же, вы, должно быть, ужасно замерзли с дороги?

— Спасибо, но я, пожалуй, сразу поеду, — вежливо отказываюсь я, пятясь назад. — Меня у ворот ждет такси. Оплата от галереи уже упала мне на карту, так что... еще раз спасибо вам.

Сначала он кажется мне вполне адекватным, гостеприим-

ным и радушным хозяином. Но его тон мгновенно меняется, становится вкрадчивым, давящим:

— Дорогая Агния, я не могу отпустить автора вот так, с порога. Вы обязаны пройти и посоветовать, где картина будет смотреться лучше всего.

— Простите, но я действительно тороплюсь. Завтра рано утром на работу, и счетчик в такси...

— Умоляю вас. Иначе, боюсь, эта картина не принесет мне радости.

— Хорошо, — сдаюсь я, просто устав спорить и надеясь побыстрее покончить с этим.

Я переступаю порог дома. Внутри всё кажется излишне захламленным, помпезным. Слишком много тяжелой мебели, давящая атмосфера.

— Раз уж вы согласились, можно я покажу вам свою гордость? Мою личную коллекцию. Всего одним глазком, — улыбается Елисеев.

Я покорно следую за ним по длинному, темному коридору. Мы заходим в просторную комнату, и у меня перехватывает дыхание от липкого подступающего ужаса. Помещение заставлено куклами. Фарфоровые, виниловые, антикварные...

Но настоящий кошмар начинается секундой позже.

Я резко оборачиваюсь и понимаю, что стою в этой комнате совершенно одна. Хозяин исчез. А тяжелая дубовая дверь за моей спиной с глухим щелчком наглухо запирается снаружи.

— Ты должна переодеться в платье, которое лежит на кресле возле окна, — внезапно раздается металлический голос из скрытого в стене динамика.

— Что это за шутки?! Мне это не нравится! Немедленно откройте дверь, меня на улице ждет машина! — я бросаюсь к двери и яростно дергаю за ручку. Бесполезно.

— Будь послушной куколкой, Агния. Иначе тебе не поздоровится, — все так же спокойно вещает динамик. — Платье. Ты обязана надеть его. Оно сшито специально для тебя. Ты будешь идеальной куклой в моей коллекции, я хочу видеть тебя только в нем. И не забудь колготки.

— Прекратите! Вы больной ублюдок! Выпустите меня, мне нужно домой!

Я умоляю, я кричу до хрипоты, бьюсь в дверь, угрожаю полицией. Но маньяк остается абсолютно глух к моим крикам. Не помню, сколько времени проходит — час, два или вечность, — прежде чем я ломаюсь. Трясущимися руками я стягиваю свои вещи и натягиваю это проклятое, ледяное платье из фатина. С отвращением думаю что этот психопат наблюдает за каждым моим движением. Возможно, прямо через огромное зеркало на стене. Оказывается, сломить человеческую волю очень легко, когда ты заперта в замкнутом пространстве. И вот я уже послушно стою посреди комнаты, изображая куклу, а в голове бьется единственная мысль — побег. Мой голос к тому моменту становится совсем сиплым.

Дверь наконец открывается, на пороге появляется Елисе-

ев с фотоаппаратом в руках.

— Я отпущу тебя, обещаю. Ничего плохого тебе не сделаю, — его голос звучит пугающе ровно. — Только несколько кадров для коллекции.

— Я... я понимаю, — хриплю я, пытаясь усыпить его бдительность.

— Правда понимаешь?

— Да. И верю вам. Вы... вы ведь хороший. И очень талантливый.

Мне физически противно произносить эти слова, меня тошнит от самой себя, но мне кровь из носу нужно быть хитрой и изворотливой, чтобы выбраться из этой западни.

— Да! — его глаза безумно вспыхивают. — Я тоже художник! Творец! Как я рад, что ты это почувствовала! Ты станешь моим лучшим, самым ценным произведением!

От сильного стресса начинаю сильно, удушливо кашлять.

— Стой здесь и не шевелись. Я сейчас принесу тебе теплой воды.

Я бы с радостью поотрывала головы всем его куклам, но безумца нельзя злить. Он трепещет над своей коллекцией, и именно эта его слабость дает мне единственный, призрачный шанс.

Шанс, который я просто не имею права упустить.

Елисеев уходит на кухню, я покорно стою на месте.

Перед уходом он оборачивается:

— Ты ведь не станешь глупить, Агния? Кругом сплош-

ные глухие леса и дикие звери. Соседей в округе практически нет, все разъехались на праздники.

— Я понимаю, — отвечаю максимально спокойно, глядя ему прямо в глаза.

— Вот и умница. Я сейчас вернусь, — объявляет Елисеев, брезгливо морщась от моего удушливого кашля. — Только не вздумай испортить платье! Оно стоит целое состояние.

Он выходит и возвращается через пару минут с высоким стаканом. Я жадно пью, стискивая стекло побелевшими пальцами.

— Вот и умница, — довольно улыбается он, забирая пустой стакан. — Кстати, твоё такси давно уехало. Водителю надоело мёрзнуть у ворот. Так что придётся тебе остаться здесь до утра.

Внутри всё обрывается, падая в ледяную пропасть.

— Как это — остаться?! Нет! Мне нужно домой, у меня завтра смена с утра!

— Ничего страшного, дорогая, мир не рухнет, — его голос снова становится тягучим и приторным. — Переночуешь у меня. А утром мы сделаем ещё несколько кадров. Мне непременно нужно запечатлеть тебя при естественном дневном свете. У тебя совершенно потрясающая фактура, Агния! Настоящая антикварная куколка!

Я чувствую, что ещё секунда — и я просто сорвусь в истерику, начну выть и биться головой о стену. Но спасительная ясность вдруг прорезает панику: кричать, спорить и умолять

бессмысленно. Он законченный психопат, и моё сопротивление только подливает масла в его больной огонь. Нужно подыграть. Пусть поверит, что я сломалась и смирилась.

— Хорошо, Игорь Владимирович, — с трудом выдавливаю я, опуская глаза в пол. — Только... я ведь не буду спать здесь? Среди них?

— Ну что ты, дорогая! — он даже искренне обижается. — Разумеется, нет! Для тебя приготовлена прекрасная гостевая спальня. Идём, я покажу.

Я покорно бреду следом, едва переставляя ватные ноги. Мы идём по длинному полутёмному коридору, и я, как загнанный зверёк, жадно цепляюсь взглядом за каждую деталь, запоминая план побега. Вот крутой поворот. Огромное зеркало в тяжёлой золочёной раме. А чуть дальше — широкое окно в пол, за которым в свете уличных фонарей белеют заснеженные лапы елей.

Елисеев останавливается перед массивной дверью и гостеприимно распахивает её:

— Прошу! Располагайся, дорогая. Спокойной ночи! И постарайся хорошенько выспаться, завтра нам предстоит много кропотливой работы.

— А можно мне мою сумку? Я должна предупредить маму…

Елисеев приносит мне мой мобильный. Я пишу несколько слов маме что все в порядке и переночую у подруги – под его контролем. И он забирает телефон…

— Отдам утром, дорогая.

Комната оказывается обманчиво уютной — широкая кровать, мягкий ворсистый ковёр, изящный туалетный столик и тяжёлые бархатные портьеры на окнах. Ничего общего с жутким кукольным склепом. Но едва Елисеев выходит, за спиной раздаётся сухой, беспощадный металлический щелчок.

Несколько долгих мгновений я стою посреди ковра абсолютно неподвижно, вслушиваясь в удаляющиеся по паркету шаги, а затем бессильно опускаюсь на край матраса. За тяжёлыми шторами чернеет лютая зимняя ночь, на мне нелепая тряпка. Моя одежда тоже неизвестно где… И самое страшное — я не знаю, не следит ли он за мной прямо сейчас. От мысли, что за карнизом или в лепнине потолка спрятаны камеры, по спине бежит ледяная испарина. Я лихорадочно обшариваю взглядом углы и стены, но разве в кукольной комнате я сразу заметила подвох?

Я подтягиваю колени к груди, обхватывая себя руками, чтобы унять мелкую дрожь. Где-то в глубине особняка гулко бухают шаги, затем приглушённо начинает играть музыка — кажется, хозяин включил телевизор. Время тянется мучительно. Каждые десять минут мне мерещится, что за дверью кто-то замер и прислушивается. Не помню, сколько часов я просидела вот так, напряжённая как струна, пока измотанный организм не взял своё, утянув меня в тяжёлое, рваное забытьё прямо поверх пледа.

Просыпаюсь я резко, будто от удара током. Секунду ту-

по смотрю в незнакомый потолок, а потом реальность обрушивается на голову бетонной плитой. Елисеев. Куклы. Этот проклятый дом! За окном уже брезжит серое зимнее утро. В комнате никого нет, за дверью стоит мёртвая тишина.

Я бесшумно соскальзываю с кровати, на цыпочках подкрадываюсь к двери и, затаив дыхание, нажимаю на ручку. Замок мягко подаётся, и дверь приоткрывается. Я замираю в немом ступоре. Не заперто?! Неужели он ночью вернулся и открыл её, или мне вчера просто почудился щелчок?

Размышлять некогда — снизу уже доносится тихое классическое радио и звон фарфоровой посуды. Псих проснулся и готовит завтрак! Выскользнув в пустой коридор, я стрелой несусь к тому самому широкому окну, которое приметила с вечера. Пальцы срываются с холодной латунной ручки, но со второй попытки она поворачивается. Я распахиваю створку, и в лицо бьёт обжигающий морозный воздух. Прямо под окном намело огромный, пушистый сугроб — высота небольшая, первый этаж.

Я перебрасываю через подоконник одну ногу, затем другую, сердце колотится где-то в самом горле. И в эту секунду из глубины дома доносится бодрый, ласковый голос Елисеева:

— Агния! Дорогая! Ты уже проснулась?

Не раздумывая больше ни доли секунды, я прыгаю вниз. Проваливаюсь в ледяное месиво почти по пояс, судорожно, царапая колени, выкарабкиваюсь наверх и бросаюсь бежать

прочь от этого проклятого особняка. Я несусь не разбирая дороги. Мороз мгновенно обжигает лёгкие, а ступни в тонких колготках быстро перестают чувствовать хоть что-то. Но мне плевать — лишь бы дальше, лишь бы этот безумец не кинулся следом! Добежать до любого дома и умолять вызвать полицию!

Тело вдруг обдаёт душным, невыносимым жаром, а потом накатывает смертельный, сковывающий холод. Картинка перед глазами начинает плыть и распадаться на белые пятна. Впереди из тумана вырастает огромная величественная ель, а за ней темнеют очертания чужого дома. Люди! Там должны быть живые люди! Я делаю последний отчаянный рывок, но ноги окончательно подламываются. Я падаю в мягкий снег прямо под колючие лапы ели, и спасительная темнота накрывает меня с головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.